

> МАГИСТРАЛЬ >

ПУ СУНЛИН

Рассказы
о людях необычайных

Москва
2024

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44
П88

Pú Sōnglíng

Перевод с китайского, вступительная статья и комментарии
Василия Алексева

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Пу Сунлин.

П88   Рассказы о людях необычайных / Пу Сунлин ; [перевод с китайского вступительная статья и комментарии В. Алексева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199722-9

В «Рассказах о людях необычайных» Ляо Чжай говорит о простых вещах, а читатель становится зрителем на своеобразном стилизованном театральном представлении, черпающем сюжеты из житейского, обывательского и преображающем их в нечто сказочное, завораживающее, в яркие и запоминающиеся картинки из жизни судей, студентов, мешан и знати китайского Средневековья.

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-199722-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ ПЕРЕВОДЧИКА К СБОРНИКУ
«РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ»

Лаконичность и незначительность биографического очерка о Ляо Чжае в старинном китайском источнике «Описание уезда Цзычуань в Шаньдуне» не может, конечно, быть явлением случайным. Ясно, что многочисленные авторы предисловий и посвящений к сборнику его новелл вместо исключительно субъективных славословий, наверное, предпочли бы дать их в обильно документированной биографической рамке. Попробуем догадаться, почему все это вышло только так, а не иначе.

Вероятнее всего, первую причину этой биографической скудости надо считать то печальное для Ляо Чжая (с этой точки зрения) обстоятельство, что он, всю жизнь готовясь к государственным экзаменам, дающим право на государственную службу, которая, как известно, награждала предприимчивых кандидатов нигде в мире не слыханными сатрапскими привилегиями, на эту службу так и не попал. Это обстоятельство и определяет прежде всех прочих, почему у него не было официальной биографии среди колоссального количества подобных биографий, которые часто представляют собою лишь фразеологически более гладкие послужные списки, и почему составителям пришлось предпослать сборнику только эту тщедушную заметку из описания уезда, в котором родился и жил Ляо Чжай.

Второю причиною этой неудачной лакуны является, несомненно, самый характер новелл. Ни для кого, конечно, не было секретом, что этот сборник «сиротливых огорчений» (гу фэнь) обездоленного ученого начетчика не имеет в виду проповедовать веру в лисиц, оборотней, бесов, фей, чудотворцев, магов и т. д., особенно принимая во внимание послесловия автора ко многим новеллам, отнюдь не содержащим славословий всем этим, казалось бы, фетишам фантаста.

Было ясно даже без догадок, что некоторые новеллы Ляо Чжая содержат сатиру на современность, особенно на грубое бесчинство, алчность, продажность, интриганство, дикий произвол и бесчеловечность китайского чиновничества, сидящего как в канцеляриях, так и особенно на губернаторских постах. При таких условиях создавать официальное признание человеку, что называется, без роду без племени, в официальном мире особых охотников отыскаться не могло.

Однако китайское чиновничество никогда не было столь хорошо организованною кастой, чтобы в ней не нашлось людей как понимающих и принимающих сатиру в качестве законного литературного жанра, так и нечувствительных к ней как к бессильному оружию. Гораздо важнее было то обстоятельство, что в новеллах, с одной стороны, как будто совершенно не отразился потрясший весь Китай переход в 1644 году власти в руки маньчжуров, с другой же стороны, в некоторых из них можно было, даже за гиперболическими извращениями, увидеть ненависть к завоевателям и злую на них сатиру.

Поэтому-то, вероятно, сборник Ляо Чжая и не попал в знаменитую библиотеку императора Цяньлуна, собиравшуюся уже по напечатании сборника. При этом отсеве собиратели могли, если бы сочли нужным, указать на якобы неумеренную и слишком вульгарную фантастику автора и этим уже его ликвидировать, как бы не замечая сатиры.

Подобное официальное непризнание писателя не могло, конечно, способствовать биографическим о нем разведкам.

Тем не менее можно довольно ясно, хотя и схематически, охарактеризовать место и роль Ляо Чжая в обществе его эпохи.

Вечный студент, проваливавшийся на экзаменах и, конечно, обвинявший в этом нечутких, грубых, нелицеприятных чиновников-экзаменаторов, Ляо Чжай все же сам принадлежал к касте чиновников, был соединен с ней всем своим жизненным положением, устремлениями и идеологией. Для него, кроме чиновничьей карьеры, украшенной конфуцианской этикой, идеалов, по-видимому, не было.

По сведениям его земляков, писавших о нем в предисловиях к сборнику, а равно и по его собственным словам в предисловии, он добывал средства путем частных уроков, путем натаскивания начетчиков все на те же экзаменационные фокусы и, таким образом, в обществе играл роль самую незначительную.

Тем не менее он весьма усердно изобразил сложную жизнь того чиновного слоя, к низшим ступеням которого он сам принадлежал, жизнь, доступную его провинциальному наблюдению или, скорее, его осведомленности, жизнь, которая у него вырисована как редко у кого, так что многие китаисты, и в Китае и в Европе, более всего склонны признать за его сборником этнографическое значение. Всесилье чиновника, сидящего у себя в канцелярии и правящего руками хищных служителей своего ямыня (канцелярии), алчность, коррупция, безыдейность, произвол монархической бюрократии той эпохи рисуются Ляо Чжаем очень красноречиво, хотя он и делает попытки смягчить картину редкими образцами умных и нравственных правителей. Эта картина гниения правящего слоя, целиком отъединившего себя от народа, хотя и произвольна, но настолько убедительна, что то сравнительно легкое подчинение Китая иноземными завоевателями (маньчжурами), которое прои-

зошло при жизни Ляо Чжая, становится вполне понятным. Чиновничество не имело ни опоры, ни силы к сопротивлению грубому нашествию, о котором народ узнал лишь как о совершившемся факте и против которого защищать свой правящий класс он не хотел и не мог. Слыша о потрясающих политических переменах из своего далекого провинциального мурья, Ляо Чжай отразил в своих произведениях ту самую непротивленческую фигуру умолчания, которая была столь свойственна китайским литераторам, жившим на грани сменяющихся династий. В его новеллах все течет как прежде, и жизнь чередует только поколения, но не свои формы и тем паче не свою сущность. Жизнь остановилась вне времени и пространства и подлежит суждению лишь как вечный объект, по учению самого Конфуция, который, как известно, в своих уроках истории преподавал именно это правило: не обращать внимания на конъюнктуру и факт, а только на соотношения людей, тяготеющие к постоянным нормам и формулам.

Исходя, таким образом, целиком из конфуцианского учения об ученом, облагороженном своею наукой и потому имеющем право судить людей и ими править, Ляо Чжай стоит в ряду с весьма многими другими писателями вообще и в частности с теми, которые, оставаясь в рядах правоверных конфуцианцев, тем не менее оспаривали ультиматум Конфуция: не говорить о непостижимом и сверхъестественном. Ляо Чжай сосредоточился на идеологии подготавливающегося ученого (шэн), который, обладая или не обладая конфуцианскою просветленностью и преображенностью, дружит с лисами, оборотнями, бесами, феями или же от них видит посрамление и гибель. Он в своих главных новеллах, и особенно в послесловиях к ним, как бы хочет сказать, что все настроение китайского общества происходит от несправедливого выбора правителей, особенно на государственных экзаменах, где настоящие государственные умы бракуются, а натасканные зубрилы тор-

жествуют. Между тем студент и вырабатывающийся из него ученый-литератор, при надлежащей подготовке, а главное, при надлежащем отношении к нему общества, может, по конфуцианскому завету, воспитать в себе «пути великого человека» (цзюнь-цзы чжи дао) и стать наилучшим выразителем общественной совести. Заслоненное общественной темнотой, такое его сознание может быть с наибольшею силой представлено, когда в жизнь вмешивается сверхъестественная сила, которая, материализуясь, играет роль, хотя и весьма своеобразную, «одобрения и порицания», проповеданных в учении Конфуция, иначе говоря, объективного общественного мнения, давно выродившегося в голый произвол фактических правителей китайской земли. Этот мир духов, как добрых, так и злых, является, таким образом, подлинным судьей и мздовоздаятелем за нравственную сущность ученого. Сонм божеских сил как бы призван карать труса, предателя, коварного шантажиста, который профанирует свою высокую миссию, и, наоборот, награждать высшим человеческим счастьем студента, достойного своего призвания, честного, просветленного, с рыцарскою душою и скромным поведением. Фантастика здесь призвана восполнить пробел действительной жизни, выступая в роли потенциального обличителя и реставратора жизненной справедливости.

Таким образом, вся группа рассказов, объединенных в этом томе, разрешает свою интригу вмешательством сверхъестественных сил, чудотворцев, гипнотизеров и фокусников. Перед нами вопрос: как нам отнестись к этим рассказам и их автору?

В одном и том же китайском слове «синь» (вера, верить) совмещено два мировоззрения, вряд ли уживающихся друг с другом. Синь конфуцианца означает пятое из достижений светлой (гуанмин) конфуцианской личности: веру в людей, которым человек благородства служит и которых призывает к такому же служению. В это же самое время синь буддий-

ское означает религиозную веру в Будду и его благодать, которая для простолюдина несложна: перерождение в лучшую форму бытия и подание земных благ. Следовательно, это синь есть нечто обратное первому: вера не в людей, а в бога; вера, соединенная, скорее всего, с презрением к людям и ищущая высших сил.

Ляо Чжай был ученый конфуцианского воспитания и, поскольку он был искренний последователь этого учения, его синь было верою в людей, не нуждающейся ни в какой сверхъестественной силе и санкции, а тем более — в суеверии (мисинь). Ортодоксальное конфуцианство с презрением, а иногда даже с враждебностью соперника, относилось к таким религиозно-нравственным учениям, как, например, буддизм, даосизм, христианство, и нередко вело с ними борьбу, не останавливающуюся перед государственным преследованием. Следовательно, Ляо Чжаю, аспиранту на государственные должности и потому обязанному исповедовать конфуцианский символ веры без всяких компромиссов, было как будто не к лицу писать рассказы, переполненные лисьими и всякими иными оборотнями, бесами, наваждениями и, наконец, чудесами, исходящими от монахов.

И действительно, решаясь выступить с огромным сборником подобных рассказов, он написал очень интересное к нему предисловие, в котором, заранее учитывая все насмешки, которые конфуцианцы-ортодоксы будут в него направлять, он указывает, однако, на примеры крупных литературных имен, не чуждавшихся сверхъестественных тем, особенно в тех случаях, когда автору, знающему себе цену, совсем иную, нежели та, что ему давали другие, в жизни, говоря попросту, не везло. Он звал к себе все стихии, особенно незримые, и обращался к ним за справедливостью.

Таким образом, перед нами довольно обычный тип литератора, прячущийся от жизни за химерой своей собственной концепции и особенно своей необузданной фантазии.

Однако конфуцианская идеология оказалась приемлемой и для данной эпохи. Новые маньчжурские правители ввели ее — минус фантастический, конечно, элемент — в жизнь общества весьма решительным порядком, и конфуцианская система, в ее извращенно-сусальном виде, охватила весь Китай в последний раз, но еще на два с половиною века, так что вся идеология Ляо Чжая была как бы общественным выражением правительственной ферулы.

Выше уже достаточно показано, как мастерски старый конфуцианский язык в новеллах Ляо Чжая заговорил о живых и простых вещах, создав читателю удовольствие как бы стилизованного театрального представления, берущего темы из житейской толщи и преобразующего их в схемы и формулы, не теряя при этом показа и яркого сознания действительности. Можно легко видеть, что при разрушении конфуцианской системы, с одной стороны, и затем при движении масс к просвещению, в котором истории студентов и лис станут уже чтением отсталым как по содержанию, так и по форме (европеизация формы уже кричит против Ляочжаева языка), — одним словом, с развитием китайского общества, которое совершается не так уж медленно, как это нам кажется, Ляочжаевы новеллы отойдут в своем оригинальном тексте в область мировой литературы на правах, скажем, Апулея, а в общественном значении — к литературе сказки. Впрочем, этот процесс можно уже считать законченным: Ляо Чжай перестал быть литературной картиной Китая и китайца вне границ времени, как было до сих пор, и начал свою жизнь в исторических памятниках китайского Средневековья.

ВЕРОУЧЕНИЕ БЕЛОГО ЛОТОСА

Некий человек из Шаньси — забыл, как его звали по имени и фамилии, — принадлежал к вероучению Белого Лотоса¹ и, кажется, был приверженцем Сюй Хунжу². Своими «левыми путями» он волновал, будоражил народные массы, и те, кто восхищался его фокусами и проделками, большею частью чтили его, как чтут уважаемого учителя.

Однажды, куда-то уходя, он поставил в горнице таз, накрыл его другим и велел своему ученику сидеть и караулить — не смей открывать и смотреть.

Когда учитель ушел, ученик открыл таз и увидел там чистую воду, по которой плавала лодочка, сделанная из соломы. На лодочке были и мачты, и паруса — словом, все-все.

Подивившись лодочке, ученик тронул ее пальцем, и она от прикосновения перевернулась. Ученик бросился ее поднимать, чтобы вернуть в прежнее положение, но она снова перевернулась.

Вдруг входит учитель.

---

¹ ... принадлежал к вероучению Белого Лотоса. — Белый Лотос — тайное общество, основанное на буддийских верованиях, возникло в XIII—XIV вв. Боролось против монгольского владычества. Продолжало организовывать крестьянские восстания и в период манчжурского господства цинской династии, в конце концов жестоко подавившей его.

² Сюй Хунжу — один из первых главарей Белых Лотосов.

— Как ты смел меня ослушаться? — набросился он гневно на ученика.

Тот энергично утверждал, что ничего подобного не было.

— Что ты меня обманываешь? — кричал учитель. — Только что сейчас в море перевернулась моя ладья.

Еще случай. Однажды вечером учитель зажег в горнице огромную свечу и велел ученику смотреть за ней внимательно, чтобы ее не задуло ветром. Пробыло уже две стражи, а учитель все еще не приходил. Ученик, изнеможенный усталостью, пошел к кровати, прилег...

Когда он очнулся, свеча уже погасла. Быстро вскочил, зажег, и в это же время вошел учитель. Ученику опять попало.

— Уверяю вас, — говорил он, — что я и не думал спать... Как это свеча могла вдруг так погаснуть?

— Ты еще будешь тут говорить! — яростно кричал на него учитель. — Ведь ты меня заставил сейчас более десяти ли шагать в темноте!

Ученик был ошарашен.

Таких необъяснимых историй у него бывало бесконечное число, всего не опишешь.

В дальнейшем его любимая наложница вступила в связь с его учеником. Учитель это заметил, но не подавал вида и молчал. Раз он послал ученика кормить свиней. Только что тот вошел в хлев, как тут же превратился в борова.

Учитель сейчас же послал за мясником. Тот зарезал борова и стал продавать мясо. Никто и не догадывался.

Видя, что сын не возвращается домой, отец ученика зашел к учителю навеститься. Тот сказал, что ученик давно уже у него не бывал. Отец вернулся к себе, стал повсюду искать и спрашивать, но никаких следов сына не нашел.

Тогда один из соучеников погибшего, разузнав потихоньку об этом деле, проговорился отцу его. Тот подал на учителя жалобу местному правителю. Правитель, боясь, что он убежит, не решился сам его задержать, донес выше по начальству, прося прислать тысячу вооруженных людей.

Окружили дом, арестовали его жену и сына и всех их заперли в клетку, чтобы в ней препроводить в столицу.

Дорога шла через горы Тайхан¹. Вдруг из гор выскочил великан ростом с дерево. Глаза — словно плоски, рост — с лохань, зубы — больше фута. Солдаты, ошеломленные этим зрелищем, остановились, не смея идти дальше.

— Это оборотень, — сказал сектант. — Его может прогнать моя жена.

Послушались его слов, развязали жену, и та помчалась на великана с копьём в руках. Великан расвирепел, втянул ее в рот и проглотил.

Все бывшие тут еще больше перепугались.

— Ну, раз он убил мою жену, надо, значит, идти сыну, — сказал сектант.

Выпустили сына. Но и тот был проглочен, как мать.

Все воззрились друг на друга, и никто не знал, что теперь делать. Сектант заплакал, разгневался.

— Ну, когда так, раз он убил и жену мою, и сына, — кричал он, — мне хоть и не сладко, однако ничего не поделаешь: придется идти против него самому мне.

Выпустили из клетки и его, дали в руки нож и направили на врага. Великан ринулся на него с большой яростью и вступил с ним в драку, борясь голыми руками. Минута — и великан схватил его и сунул в рот.

Потом вытянул шею и проглотил. Проглотив же, спокойно, как ни в чем не бывало, удалился.

ЧАНТИН И ЕЕ КОВАРНЫЙ ОТЕЦ

Ши Тайпу, человек из Тайшаня², интересовался наукой амулетов и заклинаний, изгоняющих нечистую силу. Некий даос, повстречав его, пришел в восторг от его сообрази-

¹ *Тайхан* — горы, возвышающиеся среди лёссового плато провинции Шаньси на западе Китая.

² ... человек из *Тайшаня*. — Тайшань — знаменитая священная гора в Шаньдуне, недалеко от родины Конфуция. Местность у ее

тельности и принял в свои ученики. Он открыл «роговые застежки» и вынул две книги¹. Первая из них трактовала об изгнании лисиц, вторая — об изгнании бесов. Вручив Ши вторую книжку, он сказал:

— Проникнись благоговением и вниманием к этой книге. В ней будет все: и одежда, и пища, и красавица жена!

Ши спросил, как его фамилия и как имя.

— Я Ван Чичэн из храма Первородного Владыки, что в селе к северу от Бяньского города².

Даос оставил его у себя на несколько дней и передал ему полностью все свои тайные приемы и заговоры. С этих пор Ши стал исключительным мастером заговоров и талисманных письмен³; следы людей, несших ему деньги и подарки, сплетались, как говорится, одни с другими у его ворот.

Однажды к нему явился какой-то старик, назвавший себя фамилией Вэн. Он выложил перед Ши ослепительные шелка и кучу серебра; сказал, что у его дочери болезнь от беса и что она уже погибает; настойчиво просил Ши по-

---

подножия славится храмами и служит пристанищем оккультных созерцателей.

¹ ... открыл «роговые застежки» и вынул две книги. — Китайская книга не сшивается и не заклеивается в переплет, как наша, а укладывается в особый раскидной ящик-футляр, обычно делающийся из папки и синего холста. Боковые стороны футляра застегиваются при помощи вклеенных в них петель и костяных или роговых пуговиц. Книг (из тонкой бумаги) вкладывается в футляр иногда до шестнадцати, причем каждая книга в отдельности может быть свободно вынута.

² ... к северу от Бяньского города — то есть к северу от Кайфына, бывшего столицей Китая (X—XII вв.).

³ ... талисманных письмен — то есть графических заклинаний. Основным мотивом этих письменных заклинаний являются всяческими способами прихотливо замаскированные иероглифы «лэп» (гром) и «гуй» (бес), соединяемые между собой разнообразными глаголами вроде: убить, изрубить, казнить, истребить, задавить, унести и т. п. Таким образом, общая формула подобного заклинания сводится к упрощенной фразе: «Гром убивает (убей) бесов!» Иногда этой фразе предпосылается еще слово «чили» (приказ), то есть в более полной форме: «У меня в руках есть приказ Высшего Духа об истреблении бесов, меня наваждающих».